

18+

АЛЕКСАНДР БОЯРСКИЙ

**МИСТЕР
ДЖАЗ, ИЛИ
НЕКОТОРЫЕ
ЛЮБЯТ
ПОГОРЯЧЕЕ**

Александр Боярский Мистер Джаз, или Некоторые любят погорячее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70071010

ISBN 9785006093799

Аннотация

«Мистер Джаз, или Некоторые любят погорячее» – роман создавался, как будущий музыкальный фильм, с песнями написанными в джазовом стиле, как квинтэссенция некогда известных и очень любимых зрителями популярных музыкальных комедий прошлого... Это роман-кино, где комедийные романтические действия героев и событий, развиваются в стремительном музыкальном темпе, на фоне социальных ситуаций второй половины 90-х годов двадцатого века. Это классическая комедия положений с переодеваниями, путаницей.

Содержание

Глава первая, в которой происходит завязка	5
Глава четвертая, в которой начинаются горячие приключения	42
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мистер Джаз, или Некоторые любят погорячее

Александр Боярский

© Александр Боярский, 2023

ISBN 978-5-0060-9379-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Боярский

Мистер Джаз

или

некоторые любят погорячее

роман

романтическая комедия на вечную тему с песнями и танцами, с острыми диалогами, приключенческим сюжетом и добрым концом.

Глава первая, в которой происходит завязка

...Музыка звучит в джазовой манере. Яркая сцена переливается в лучах разноцветных софитов. На сцене появляются танцоры-«степисты» в ярких костюмах и канотье. С середины сцены вверх уходит серебристая лестница, по краям которой стоят и играют музыканты в белых костюмах. В лучах прожекторов, в изумительном наряде, на самом верху сценической лестницы появляется молодая и очень красивая певица. Вступление становится все громче, и начинает звучать песня. Песня эта тоже в джазовой манере, но в современной аранжировке. Певица поет и одновременно танцует, медленно спускаясь по ступеням лестницы. Она вместе с танцорами входит в раж, исполняет степ. Все мелькает в глазах. Певица искрометна и крутится, и вертится и танцует все быстрее. На сцене, словно вихрь из танцоров и певицы. Все сливается в каком-то фантастическом экстазе... Ну, блеск, просто блеск!..

И тут зазвонил телефон. На прикроватной тумбочке заверещала трубка радиотелефона. Из-под одеяла медленно выползла нехилая мужская рука, нащупала дребезжавшую от звонка трубку и уволокла её к себе под одеяло.

– Алё! – просипел сонный голос, – я вас пытаюсь выслушать!

– Серёга!!! Ты с ума сошёл! Ты где? – громко кричала трубка грубым мужским голосом.

– Я тут. А вы?

– Где тут?

– Как где? Во сне! Под одеялом! Говорите! Я вас внимательно слушаю! – медленно ответил спящий. Из—под одеяла также медленно появилась голова с телефоном у уха, хоть и заспанного, но молодого и симпатичного человека лет тридцати от роду, нехотя приходящего в себя от доброго сна.

– Ты ещё долго собираешься спать! Ты всех нас подставляешь! Ты что, забыл? Сегодня же прослушивание! Там же будет столько народу. Продюсеры, исполнители, музыканты, певцы. Ты что, каждый день выступаешь с концертами по Европе? В кои веки понадобился джазовый коллектив, а он, видите ли, проспал... – трубка наконец перестала изрыгать поток словесной лавы и замолчала.

Сергей улыбнулся, скинул одеяло и уселся на кровати, свесив ноги.

– Не ругайся, Палыч! Я такой сон видел, это просто потрясный номер будет. Умереть – не встать! – Сергей ерошил свои волосы левой рукой, словно пытаясь их причесать после сна.

– Я умру явно до того, как ты встанешь! – изрек Палыч.

По Садовому кольцу среди шумного потока разноцветных автомобилей мчался серебристый «Москвич». В салоне автомобиля сидели четыре человека. Трое из них были молодыми ребятами, а четвертый был в годах, с легкой проседью в волосах, в золотистых очках-хамелеонах, в светлом летнем костюме и с сотовым телефоном в руках... Пал Палыч, коммерческий директор группы музыкантов, мужчина в возрасте, как говорят, за пятьдесят, но очень энергичный и достаточно молодцеватый. Это он вел неповторимый диалог с Сергеем, музыкальным руководителем и композитором ансамбля «Арт-Клуб».

За рулем «Москвича», не обращая внимания на эти разговоры, сидел невозмутимый Николай. В данный момент, перед ним была дорога

и ничего более, лишь изредка он посматривал на Палыча, и на его губах появлялась легкая усмешка.

– Опять Серега что-то изобрел? – обратился он к Палычу.

– Сон ему, видите ли, приснился, ясновидец ты наш.

– Какой еще сон? – раздался голос сидящего сзади Глеба.

И только Рудик, гитарист-аранжировщик коллектива, продолжал молчать.

В комнате Сергея было светло благодаря полураскрытым шторам.

Сергей продолжал сидеть на кровати и говорить в трубку телефона:

– Послушай, Палыч, не сердись, но я действительно во сне увидел не только новый номер для нашей программы, но и исполнительницу тоже.

– Какую еще исполнительницу? Ты что, совсем очумел? Чем у тебя голова забита?

– Я серьезно, Палыч! Это будет потрясающий номер. Такого уже давно никто не делал, ты понял? – Сергей захлебывался от восторга.

– Да-да, я понял, что ты рехнулся окончательно. Ты, когда спать лег, маэстро?

– Часа в два, я песню сочинял. Кстати, классная песенка получилась. Хочешь напою?

– Иди ты к черту, маэстро! То ему певицы снятся, то он песни сочиняет. Быстро одеваться, через десять минут мы будем у тебя. Ждем у подъезда. Кастинг не ждет! Пока! – и Палыч отключил мобильник.

На кухне Сергей быстро допил чашечку черного кофе и, уже одетый в легкие светлые брюки и рубашку с короткими рукавами, выскочил в прихожую. Надел белые туфли, тонкий летний пиджак и, открыв дверь, оказался в коридоре. Пробежав один пролет по лестнице, Сергей остановился на секунду у почтовых ящиков и по привычке заглянул в свой. Когда он его открыл, то увидел на самом дне конверт с письмом. Быстро взглянув на обратный адрес, он ничего не понял, но разбираться сейчас ему было некогда. Сергей сунул конверт во внутренний карман пиджака, быстро за-

крыл ящик и дальше побежал по лестнице.

Открылась дверь подъезда, и на крыльце появился Сергей. Он увидел друзей и махнул им рукой. У обочины во дворе уже стоял «Москвич» друзей. Глеб и Палыч махали ему руками.

– Серега! Давай быстрее! Опаздываем! – крикнул Глеб.

Сергей уже бежал к машине. Глеб подвинулся ближе к Рудику, который до сего момента все время молчал, а тут вдруг выступил:

– Ну, и долго это будет продолжаться?

– Хорош, Рудик, не заводись! Все хоккеем! С кем не бывает?

– Со мной, – произнес Николай тоном, не терпящим возражений.

Сергей плюхнулся на заднее сиденье «Москвича», и, чтобы разрядить накаляющуюся атмосферу, чуть не засмеявшись, произнес:

– Знаете, как еврейка приглашает семью к обеду? – все сидящие в машине повернули свои головы к Сергею.

– Мойша, детки, быстрее в машину, а то закусовая закроется.

Все прыснули со смеху.

– Намек поняли. Поехали! – сказал Палыч...

И «Москвич» тронулся в путь.

Машина ехала по Садовому кольцу, когда Сергей запел

новую песню, которую ребята еще не слышали. Для аккомпанеента он стал похлопывать себя по коленям. Мелодия им явно понравилась, и они стали тихонько ему подпевать. Глеб достал из кармана пиджака губную гармошку, решил подыграть. Сережка смотрел на проносящиеся за окном автомобиля улицы, дома, вывески магазинов. Он опустил боковое стекло, и ветер стал трепать его волосы. Он пел и уже слышал оркестровую аранжировку. Солнце блестело в его глазах, и ему уже грезило...

Вот он идет посреди широкого проспекта в белом костюме, с тросточкой и в белой шляпе и поет эту песню. А вокруг проносятся автомобили. А он танцует и поет...

Он танцует и поет на крыше небоскреба, а вокруг него целый ансамбль парней и девушек...

Вот Сергей танцует на лестнице Крымского моста.

А вот появляется из-за брызг какого-то фонтана.

Как это здорово – петь о любви, о мечтах, о счастье...

– Приехали! – вдруг раздался резкий голос Палыча.

И Сергей пришел в себя, оказавшись в реальности.

Друг за другом все вышли из машины. Оглядели многоэтажное здание и направились к центральному входу, поднимаясь по высокой лестнице. Пройдя по длинному коридору, они уперлись в стеклянные двери приемной. Если это место можно было так назвать. Приемная была явно импровизированной, приспособленной на время кастинга артистов.

За одним столом сидела секретарша, а за другим за компьютером сидела молодая девушка и что-то печатала. Сбоку от них за большим стеклом находился маленький зал со сценой. На сцене играл джазовый ансамбль, у микрофона стояла певица. Музыка была слышна в помещении, когда туда ввалились ребята с цветами.

– Смотри, Валь, они опять здесь, – это секретарша сказала девушке за компьютером. Та только в ответ слегка улыбнулась.

– Доброе утро. Всем привет! – сказал Палыч и поправил свой галстук.

– Как жизнь, девочки? Вы сегодня просто очаровательны! – и Сергей протянул букет цветов секретарше.

Палыч протянул девушке за компьютером маленькую коробочку с сувениром:

– Маленький пусячок на память, – и хитро подмигнул.

– Пусячок, а приятно, – довольная, ответила девушка.

– Здравствуйте, господа. Феликс Михайлович просил его сейчас не беспокоить. Он как раз прослушивает оркестр. Вы знаете, что для гастролей он ищет ансамбль с громким именем, известным вокалистом и собственными песнями.

– Танечка, мы виноваты, что опоздали, но, может быть, Феликс Михайлович уделит нам хоть маленькую такую толику своего времени и послушает этот замечательный состав? – Палыч облокотился о стол и смотрел в лицо секретарши немигающим взглядом.

– Мы так надеемся на это, – жалобным голосом произнес Глеб.

– Это наш последний шанс, – тихо сказал Сергей.

– Очень жаль, но Он очень занят, – Танечка была неумолима.

– Что же нам тогда делать? Может быть в перерыве? – взмолился Палыч.

– Эй, потише там, не мешайте, – послышался чей-то женский голос из-за двери. Кому он принадлежал, никто не понял.

Сергей, наоборот, на этот призыв резко открыл дверь и вошел в зал. За ним внутрь последовали все ребята. Однако дальше не пошли, а замерли у двери.

– Кажется это Катя Белова, – полушепотом сказал Сергей.

– Как хорошо поет, – это уже свою голову просунул Николай.

– Нет. Изумительно! – восхищался Сергей.

Ребята медленно стали продвигаться к сцене.

.Было ясно, что голос у певицы есть. Сергей смотрел на неё.

– Я считал, что у неё глаза черные, а ведь они совсем голубые.

– Это тебе тоже во сне приснилось? Слушай-ка, выбрось её из головы. Ты готов говорить о ней весь день! – Палыч даже не засмеялся.

– И я о такой мечтаю, но мне достаются другие, – проску-

лил Глеб.

– Се ля ви, как говорят французы, – такова жизнь, – посмотрел на него Сергей, – будь проще и к тебе потянутся, – и слегка улыбнулся.

Ансамбль на сцене стал явно фальшивить, и это привлекло внимание Сергея. Музыканты стали сбиваться с ритма, и певица явно занервничала.

– Не то. Остановитесь. Да хватит же! – она крикнула музыкантам, чтобы они смогли её услышать.

Жюри из продюсеров переглянулось. Феликс Михайлович даже встал. Он расстроился. Что-то явно не складывалось.

– Виктор, я же Вас просила транспонировать эту вещь на полтона выше.

– Мы играем так, как я её аранжировал, – попытался урезонить певицу дирижер.

– Но пою ведь я! А я буду петь так, как я хочу!

– Послушайте, это каприз.

– Э, о чем они спорят? – спросил Глеб.

– А... тебе не понять, – Палыч отвернулся от Глеба и посмотрел на Сергея.

Сергей ринулся навстречу певице.

Эмоции на сцене дошли до предела. Певица стала рвать ноты.

– Кого публика ходит слушать, Вас или меня?

– Но мой оркестр... – дирижер взмолился.

– Следующие готовы? – Феликс Михайлович сказал, словно для всех, ни к кому конкретно не обращаясь.

И пока со сцены уходили музыканты оркестра, таща за собой инструменты, на замену им выскочили три человека с электроинструментами, быстро их установили: клавиши на стойке, ударные и вокалист с гитарой у микрофона. Они тут же запели какую-то легкую песенку.

Мы вышли в сад, мы вышли в сад,

Не думая о том,

Как много значил первый взгляд,

В случившемся потом.

И кто теперь из нас за все в ответе?

Ведь мы не дети, ведь мы не дети...

Не обращая внимания на музыкантов на сцене, певица в темно-синей юбке чуть выше колен, в белой блузке, на каблуках, с копной темных волос подошла к продюсеру и громко, чтобы все слышали, сказала:

– Я не желаю с ними работать! – и пошла к выходу.

– Катерина, постой, – Феликс Михайлович повернулся за ней, и тут же обращаясь к коллегам, сказал:

– Это ещё что за ерунда такая. Это что, разве джаз? – и пошел догонять Катерину.

– Девушка, извините, – Сергей подошел к ней.

– Да, – взглянула она на Сергея.

– Извините, – он посмотрел в её голубые глаза. – Круто,

леди, круто, но вы совершенно правы, я уверен. Такого дирижера надо было проучить за его фокусы.

– Благодарю, – она уже остыла и спокойно смотрела на молодого парня перед ней.

Подошел Феликс Михайлович.

– Катя, я просто в отчаянии, что так вышло. Это чистая случайность. Поверь, они хорошие музыканты.

– Чепуха это, а не случайность. Дирижер не изменил тональность намеренно, чтобы сбить певицу, – высказался Сергей.

– Кто вы такой? – Феликс Михайлович повернулся к Сергею.

– Как, вы разве не знаете Сергея Утехина? Это же Мистер Джаз! – это Палыч влез в разговор. – Да его вся Москва знает!

– Да?! А меня вся Европа!

– Познакомьтесь, Феликс Михайлович, это наш джаз-ансамбль «Арт-Клуб». А перед Вами арт-директор Пал Палыч Раменский. Это я вам звонил.

– Очень рад, – пробубнил Крутов и снова обратился к Кате:

– Катя, вы больше не будете петь?

– Я больше ни одной ноты не спою с этим составом, – она посмотрела на Сергея. – Мы с Вами где-то встречались? Это было в клубе «Джаз», вы там играли, верно?

– Да, было дело по весне.

– Вы знаете эту песню? – вдруг спросила он Сергея.

– Нет, но я достану ноты через пять минут. Только скажите.

– Нет, нет, не стоит беспокоиться. А какие ноты у вас с собой?

Тут Палыч достает из-за спины свою папку с нотами.

– У нас большой выбор. Вот посмотрите, это самая свежая песня. Наш Сережа её только ночью написал. Это как раз в вашем вкусе. Вы её чудесно споете.

– Если Феликс согласен послушать меня с этим джазом, я готова.

– Конечно, Катя. Прошу вас.

...Зазвучала музыка лирической песни. Сергей начал дирижировать, потом сел за рояль и стал играть красивое вступление.

Феликс Михайлович сел в кресло, достал сигарету, и к нему сразу потянулись руки с зажигалками, но всех опередил Палыч, дал прикурить шефу. Коллеги даже удивились такой проворности нового человека. А он стоял невозмутимый и слушал музыку...

И Катя запела красивым и мягким голосом:

Летний полдень, а в сердце моём

Опять осенний полумрак.

Потому что только, когда мы вдвоем,

Всякая невзгода превратится в пустяк.

Скажешь ты: «Грустить не надо»,
Словно прошумит листва.
Как в жаркий день прохладная тень,
Необходимы мне твои слова.

Словно песня, твой голос звучит,
И в плавном ритме этих слов
Мир прекрасной тайны, наверное, скрыт...

Катя пела песню, Сергей аккомпанировал ей за роялем, ребята старались играть по нотам без единой ошибки. Феликс Михайлович потеплел. В его глазах появилась радость. Он весь засветился. Повернулся то к одному члену жюри, то к другому и понял, что им тоже понравилось исполнение, песня и сам коллектив. Когда исполнение закончилось, Феликс Михайлович встал с кресла и поднялся на сцену.

– Божественно, Катя! Это было великолепно! Мальчики, вы откуда такие талантливые? Почему я вас раньше не видел? Где вы пропадали? – и повернувшись к коллегам, произнес:

– Пройдёмте в кабинет.

– Аранжировка великолепная, – Катя подошла к Сергею.

– Моя, если честно. Но важна не аранжировка, все дело в певице.

– Благодарю. Я тронута.

– И вам спасибо!

Шеф с двумя своими коллегами обсуждал выступление.

– Слушается он очень неплохо. Можете составить контракт.

Палыч просунул голову в приоткрытую дверь и слушал, о чем они там говорят.

– В сущности, очень неплохо. Для начала можно и без громкого имени.

– Хорошо! – сказали коллеги, и пожали друг другу руки. Шеф от неожиданности удивленно посмотрел на них, но ничего не сказал и отошел в сторону. Тут же в кабинет вошел Палыч и бросился к Феликсу:

– Решение правильное. Спасибо! Поздравляю вас! – он слегка суетился. – Вы сделали правильный выбор. Благодаря таким людям в нашей стране снова завоёвывает популярность джаз, – и тут же добавил:

– А скоро премьера?

– Осенью! Но, мне бы хотелось Ваших ребят услышать раньше.

– Нет проблем! Но до осени ещё полтора месяца. Господин Крутов, если считать, что мы уже договорились и вы нас берете в свою программу, и очевидно, что наш ансамбль вам нравится... – он сделал маленькую паузу.

– Для начала, говоря по-деловому, (Палыч забрался на стол и закинул ногу на ногу, да так, что стала видна протершаяся подошва его башмака.) я хотел бы получить

небольшой аванс.

– Что, плохи дела?

– Нет. Деньги для меня ничего не значат. Я вспоминаю о них, только когда ложусь спать. Нормально. Забота о ближнем. Я просто боялся забыть о них. Как всегда.

Тут Феликс Михайлович увидел протершуюся подошву туфли Пал Палыча, и тот сразу опустил ногу, обескуражено глядя на Феликса Михайловича.

– Это у меня примета такая. Иначе...

– Всё понятно. Приезжайте завтра в клуб «Парадиз», до отъезда на гастроли можете смело там играть, если не будет возражать Катя.

В это время Катя и Сергей под ручку выходили из зала.

– Она не будет возражать, – изрек Палыч. – Я уверен.

– Значит, встретимся в шесть, – сказала Катя Сергею у самой двери, держа его за руку.

– Пожалуй, это очень рано. Там никого не будет, кроме нас.

– А разве это плохо?

– Нет, конечно, – сказал Сергей и увел Катю в дверь. – Я буду ждать тебя там. До свидания!

– До свидания! – сказала Катя на прощание и ушла.

– Отлично, Феликс Михайлович! Вы не пожалеете.

Шеф уходил, и Палыч его проводил до выхода из кабинета.

Сергей и Палыч вернулись в зал.

– Ну, мальчики, дело в шляпе. Ухватили все-таки форту-ну за хвост.

Он вышел в приемную и, достав из кармана брюк червонец, положил его на стол секретарши со словами:

– Вот тебе, крошка. Купи себе «Альпен Гольд»!

Затем браво вышел за дверь, но через секунду вернулся, положил еще червонец, и добавил:

– С орехами! – и вышел, довольный, к ребятам.

– Мальчики, дело улажено, – от радости он потирал руки. – На днях начинаем играть в клубе «Парадиз», ну а потом и Европа, черт побери! Не хило, правда!

– Не будем обольщаться, но для начала неплохо! – Сергей по-дружески ткнул кулаком Глеба и улыбнулся. – Разбегаемся. А то у меня тут вечером намечается деловая встреча, и не мешало бы к ней подготовиться. Без обиды, мужики.

– Пора по-ба-бам! Пора по-ба-бам! Пора-па-па-па-па – запел на мотив известной песенки Глеб, подкалывая Сергея.

– Увидимся, – бросил он ребятам, и скрылся за дверью.

– Мужики, роман только начинается! – Палыч приложил палец к губам.

Глава вторая или там, где начинается любовь

Катя и Сергей сидели вдвоем за круглым столиком в ресторане. На столе стояла ваза с фруктами, бутылка сухого

вина. Горела свеча. В фужерах было налито вино. Зал был наполовину пуст, но постепенно посетителей питейного заведения становилось всё больше, но Катя с Сергеем этого просто не замечали.

На небольшой эстраде играл песенку в стиле шансон ресторанный ансамбль. Молодой певец в цветной рубашке стоял у микрофона и пел, помогая себе руками, как это часто делают некоторые исполнители, а маэстро сидел за роялем, рядом парень в жилетке играл на гитаре, и на возвышении сидел ударник. По залу разносилось незамысловатая песенка:

Твое лицо теряется вдали...

В тумане юных лет мы рядом шли.

Как праздничная чаша, влекла к себе Наташа,

А после превратилась в Натали.

Я у тебя ни разу не спросил:

«Чья ты, кто на руках тебя носил?»

Ведь были так мгновенны, шаги твоей измены,

Но я, конечно, все тебе простил.

Сергей поднял бокал:

– Чокнемся?

– С тобой с удовольствием!

Бокалы встретились, и раздался хрустальный перезвон.

– Вот и музыка позволяет.

– Без шансона как без рук. Куда бы ни пришел, везде он. Почему у нас в ресторанах такое музыкальное однообразие?

– Ты действительно так сильно любишь джаз?

Сергей смотрел в глаза Кати. Вопрос был задан, и надо было отвечать.

– Люблю – это мало будет сказано. Друзья меня прозвали «Мистер Джаз», я думаю, что это о многом говорит. Разве не так?

– Ну, допустим. А что ты кончал? Училище? – она хитро прищурила глаза.

– А разве для того, чтобы любить джаз, надо обязательно что-то закончить.

– Так ты самоучка?

– Не совсем. Я учился...

Катя положила подбородок на сложенные руки и слегка улыбалась, больше даже про себя. Ей определенно нравился этот парень, но не подзуживать она не могла. Вот характер у неё был такой.

– Долго?

– Это очень важно?

– Конечно! Ведь нам скоро выступать вместе. А я хочу всё про тебя знать.

– Совсем всё?

– Ну, по возможности. Если ты не против?

– Да нет, я не против. Просто, не предполагал, что это главное в нашей встрече... сегодня. Надеюсь, ты мне не бу-

дешь устраивать экзамен, и спрашивать, в каком стиле я больше люблю играть или сочинять песни.

Он был весел. Ему было хорошо с Катей, и каких-либо насмешек Сергей не боялся.

– Я объявляю стоп тайм, и приглашаю тебя на танец. Судя по первым аккордам, это вальс-бостон, который, если мне не изменяет память, возник в начале 60-х годов на основе босановы. Не откажите мне, мадам! – Сергей шутливо улыбнулся, Катя ему нравилась все больше, а подтрунивать он тоже любил. Он встал и протянул руку, приглашая Катю на танец.

– С удовольствием, маэстро! – она приняла игру и пошла с ним в центр зала.

– Кстати, так как наш ансамбль небольшой, мы часто используем стиль кул: гитара, ударные, вместо контрабаса бас-гитара и альт-саксофон. Друзья говорят, что на гитаре я играю не хуже Лориндо Алмейда

Они танцевали и говорили. Говорили и танцевали.

– А ты неплохо ведешь, – в её глазах была улыбка.

– Стараюсь.

– Не хвались, маэстро. Исповедуешь принцип: сам себя не похвалишь – никто не похвалит, да?

– Вы мне льстите, мадам! Я тронут вашей проницательностью!

Катя в ответ засмеялась. Они закружились ещё стремительнее в ритме вальса. И тут Катя возьми и скажи:

– А слабо здесь спеть?

– А вот и не слабо! И что желает леди? Может, рок-н-ролл? Твист? А? Прошу, заказывайте!

– Свою коронную! – Катя вся светилась. Она была счастлива как никогда.

– Заметано! Можно приступать?

– Шеф, действуйте!

– О кей!

Вальс закончился, и Сергей тут же подбежал к музыкантам и о чём-то с ними пошептался. К микрофону подался сидевший за роялем руководитель этого ресторанного коллектива, мужчина лет сорока пяти с густой шевелюрой черных волос, в белой рубашке с галстуком и, наклонившись к микрофону, сказал:

– А сейчас наш многоуважаемый гость споет для вас, друзья, свою песню. Встречайте – Сергей Утехин!

Все, кто стоял на танцевальной площадке, зааплодировали. Гости за столиками повернулись и тоже приготовились слушать. Сергей поднялся на сцену и, взяв в руки микрофон, нашел глазами Катю и с придыханием сказал:

– Эту песню я посвящаю своей девушке!

– О, браво! – слышались разные голоса. Люди снова зааплодировали.

Сергей повернулся к музыкантам, поклонился, сел к роялю и начал играть. После небольшого проигрыша он запел:

Если мне тоскливо в этот вечер,
Улиц шум, сиянье фонарей
Грусть мою, конечно не излечат,
Приходи ко мне и поскорей.

Катя вертела головой по сторонам. Ей стало интересно, как в ресторане люди воспринимают такую музыку. А публика танцевала вокруг Кати, и не очень вдавалась в подробности. Играет джаз, и очень хорошо! Катя в своем голубом приталенном платье и на шпильках слегка покрутилась в ритме мелодии. В этот момент ей было очень хорошо. Глаза светились от радости. Чудесно! Давно она не испытывала таких приятных ощущений. И тут она резко остановилась и снова посмотрела на Сергея.

А Сергей виртуозно играл на рояле. Пальцы бегали по клавишам. Музыканты ресторанного ансамбля с удовольствием ему подыгрывали и улыбались.

Катя поняла для себя, что хочет петь вместе с Сергеем, и смело двинулась к сцене. А Сергей продолжал:

Твой сердца стук, тепло нежных рук,
Согреют в который раз этой ночью нас.

Катя подошла к другому микрофону, что стоял на сцене, и они стали петь дуэтом.

Закончив петь, Сергей подскочил к Катерине.

Его глаза вопрошали.

– Ну как, леди, я не обманул ваших надежд?

– Пока нет! – и Катя мило улыбнулась.

Они спустились со сцены.

– И наших тоже! – раздался голос за спиной. Сергей оглянулся и был приятно удивлен. Вокруг него стояли все ребята из ансамбля во главе с Палычем. Палыч и Глеб его обняли.

– Ты молоток, Серега!

– Это круто!

– Да, облажали весь шансон, господи! – многозначительно, но явно полушутя сказал Палыч и добавил:

– Пора отсюда сваливать. Могут и не понять.

– Нет проблем, Палыч! Зачем на грубость нарываться!

– Как вы здесь оказались? – изумился Сергей такому неожиданному появлению друзей.

– Да вот гуляли не спеша, а тут кто-то джаз изображает. Семь нот всего, а слышно далеко.

– Предлагаю выпить за удачу! Шампанского!

– Отказов нет! Вперед и с песней!

Катя и Сергей шли рядом. Они гуляли по набережной Москвы-реки. Мимо проносились машины. Горела иллюминация. Проплывали речные трамвайчики.

Катя и Сергей целовались. И музыка играла не только в душе. Хотелось веселиться, совершить какой-нибудь безрассудный поступок. Просто подурачиться. Она вырвалась

из рук Сергея и побежала вперед. Волосы от бега развева-
лись, она смеялась, ей было легко и хотелось взлететь ввысь,
в небо!

Катя бежала к Крымскому мосту, потом остановилась.
Оглянулась, Сергей явно отставал.

– Эй! Мистер Джаз! Отстаёте! Лето. Ночь. Вода в реке
холодная?

– Не знаю! – крикнул на бегу Сергей.

– Вот мы и проверим! – и Катя бросилась забираться
по дуге моста на самый верх.

– С ума сошла! Разобьешься ведь!

– А что, слабо отсюда в реку прыгнуть? – Катя забира-
лась все выше и выше и продолжала смеяться. Она огляну-
лась, посмотрела вниз на стоящего внизу Сергея и как мож-
но сильнее оттолкнулась и, взмахнув руками, прыгнула в во-
ду «ласточкой», рассекая воздух. Послышался всплеск во-
ды. На мосту остановились прохожие, наблюдая необычную
картину. Кто-то закричал:

– Караул! Человек за бортом! Спасайся кто может!

Сергей рванул по мосту, нашел спасательный круг, сорвал
его и бросил в воду. И с криком:

– Катя, я с тобой! – прыгнул вниз.

Сбежалась толпа зевак. Каждый старался рассмотреть
утопленника в реке. Но все увидели, как парень, прыгнув
с моста, «рыбкой» вошел в спасательный круг и исчез в мут-
ных водах реки. Зато вместо него в спасательном круге по-

явилась голова Кати.

Расталкивая зевак, к парапету пробирався средних лет постовой милиционер, длинный и худой, как велосипед, и дико орал:

– Кто утоп? Почему без меня? Кто разрешил? – и, перегнувшись через парапет, засвистел в свисток. Да так резко, что сам не удержался и стал вываливаться за парапет.

– Ой! Тону! – закричал тощий постовой. Рядом стоящая толстушка ухватила его за ноги, и как заверещит во всю глотку:

– Атас! Не удержу!

Хлипкий мужик схватился за милицейский френч, но тот затрещал по швам, и длинный тощий постовой вывалился из него, словно из пустого пакетика.

Катя уже выскочила из спасательного круга, когда в него со скоростью звука угодил тощий постовой и вызвав море брызг, исчез под воду, но через пару секунд вынырнув, головой снова оказался в круге, и как безумный, стал оглядываться.

Тут показалась голова Сергея из воды. Он прокричал:

– Катя! Я тебя люблю!

– Я тебе сейчас полюблю! – просвистел тощий постовой, когда увидел Сергея, – и исчез под водой.

– Сережка! Ты гений! Я тебя обожаю! – и Катя потянулась с поцелуем к Сергею, а он к ней. Они улыбались, смеялись, им было весело.

В этот момент, из воды показалась голова постового, и проворчала:

– Я вам сейчас поцелуюсь!

Глава третья, где появляется Варюха и начинает петь

Яркое солнце светило в окно. Лучи сквозь стекло падали на спящую девушку. Еще сквозь сон она потянулась, нащупала правой рукой на прикроватной тумбочке пульт от музыкального центра и нажала на кнопку. В комнате зазвучала эстрадная музыка. Она открыла глаза.

– Утро начинается с рассвета! Утро начинается с любви! И раз, и два. Откинув одеяло, она вскочила с постели, и ноги тут же коснулись ковра на полу. Юная красавица глубоко вздохнула, слегка потянулась и резко замахала руками, изобразив зарядку, а заодно и покрутив немного бедрами, как была, в коротенькой ночнушке, которая только-только прикрывала попку, прошла в угол комнаты к старому патефону. Тут она решила пощелкать переключателем по диапазонам музыкального центра, для чего повернулась к нему и, не найдя ничего приличного для себя, пробурчала:

– Я этого не переживу, – выключила эту музыкальную шарманку, а пульт бросила на кровать. Рядом стояли толстые патефонные пластинки в картонных конвертах. Достав одну, она положила её аккуратно на патефонный диск и, покру-

тив ручку, опустила иглу звукоснимателя на пластинку. Старая пластинка издала сначала хрустящий и шипящий звуки, но потом, словно вдруг зазвучал саксофон и голос Луи Армстронга. Накинув на плечи халат, в тапочках на босу ногу девушка выскочила на крыльцо старого дома. Было уже тепло, и хотелось петь.

Вдалеке виднелась большая река, этому не мешал даже старенький забор, что огораживал участок на окраине одного провинциального города в глубине России. Здесь все сплелось в единый клубок, перемешав и старые и новые здания.

Глядя на солнце, она раскинула руки и ласково, нежным голосом сказала:

– Здравствуй, солнышко!

И вдруг солнце ответило мужским забубенным голосом:

– Привет, Варюха! Чего вскочила ни свет ни заря?

Варя, а это была она, от такой неожиданности чуть не испугалась, но, когда через секунду смятение прошло, она повернулась на голос, и увидела за соседским забором дядю Васю. Он застегивал ширинку и ухмылялся сквозь щель в заборе.

– Шо, испугалась?

– Не было печали. Нашел место. А ну, катись отсюда, алкаш хренов! – под рукой как раз стоял таз с дождевой водой и, схватив его, прямо с порога Варя окатила соседа с головой холодной водой. Чертыхаясь, дядя Вася рванул с места, споткнулся, запутался в собственных ногах, поскользнувшись

на утренней росе, с размаху влетел головой в забор и, выбив пару досок, застрял. Варюха, увидев это, дико захохотала, да так, что на хохот из дома на крыльцо выскочил её дед Афанасий Петрович с кринкой молока в руке, но не удержался в проеме двери, налетел на Варю и, поскользнувшись, сбил её с ног, облив молоком, не удержал кринку в руке, схватился за край двери, а кринка, словно снаряд, выпущенный из пращи, со свистом улетела по диагонали в сторону забора и приземлилась аккуратно на голову дяде Васи. Тот взвыл от боли.

– Это что за чертовщина? Что ты ржешь, как сивый мерин? Что случилось?

Но Варюха, лежа на земле, от смеха не могла вымолвить ни слова и только показывала в сторону забора рукой. Дед развернулся всей своей старческой фигурой и увидел преинтереснейшую картину: их сосед Василий, тот еще алкаш, торчал головой в заборе, потирал голову от ушиба и стирая остатки молока с лица, все что-то пытался сказать, но за Варюхиным смехом так ничего разобрать и не смог. Зато голос Армстронга был слышен очень хорошо.

Позавтракав, Варя выскочила из-за стола, чмокнула деда в щеку и со словами:

– Дед, я в клуб на репетицию! – выскочила из-за стола и улетела вихрем из дома.

Дед лишь махнул головой и сам себе сказал:

– Ну, прям я в молодости! Джаз-вумен, говоришь? Поглядим еще! – и стал допивать чай вприкуску с сахаром.

Дверь резко распахнулась, и в репетиционную комнату влетела запыхавшаяся Варя. Джинсовая юбочка слегка выше колен, водолазка в полоску, больше похожая на матроску: то синяя полоса, то белая, и белокурая прическа, почти как у Мэрилин Монро, туфельки на каблукках. Не шпильки, но традиционные лодочки чёрного цвета, которые она очень любила. Девушка чуть ли не крикнула с порога:

– Я не опоздала? Цурипопикам и блям-блямчикам привет!

Не успела она закончить фразу, как зазвучала музыка и Костя запел милую песенку про Варю:

С Варькой в детстве мы играли,
Помню летом и зимой —
Варьку Варежкой звали,
По-французски Барбарой!

В комнате было шесть музыкантов. Молодые ребята, которым было лет по семнадцать-восемнадцать, явно только после школы. Кто лохматый, на манер моды семидесятых годов, а кто, наоборот, с очень короткой стрижкой. Кто-то стоял, кто-то сидел. Костя оборвал музыку и замер, выжидая, что скажет Варя.

– У Вас сегодня в джазе только мальчишки? А девочку за-

были?

– Если ты уже здесь, то ансамбль «Великолепная семерка» в полном составе. Микрофон по тебе соскучился. Вася крутил контрабас вокруг своей оси. Леша стал выбивать дробь на ударных инструментах, а Костя выдал пассаж на гитаре.

– Чуваки, давайте не будем ссориться, коль наша Варя опоздала. С неё штрафной баллон пива и песня у микрофона. Возражения есть? Нет! Принимается! К стойке!

Варя взяла в руки микрофон:

– Что поем?

Семен ударил по клавишам старого пианино и, повернув голову к Варе, сказал:

– Давай «Май лав», – и стал играть вступление.

Варя выдохнула и, пританцовывая, запела:

Бывает грустно и нам порой,
Но светлым чувствам сердце приоткрой
И, всё поняв, послушай вновь,
«I» v got My Love» – простую песню про любовь.

Всё проходит как будто,
Джаз, волнуя, звучит.
Так, что в эту минуту
Вряд ли кто-то тебя огорчит...

Музыкой была наполнена вся комната: тут и саксофон, и контрабас, и ударные, и пианино – все звучало в унисон.

Вася и Костя отстукивали степ, один с саксофоном, другой вокруг контрабаса.

– Клево, клево, клево! – услышала Варя от Васи. Вася отложил саксофон и, подойдя к Варе, поцеловал её в щечку. – Блеск!

– Так не честно, Вася! – и Костя выдул пассаж на саксе. – А я!

– Тренироваться надо чаще, – съязвил Вася.

– Тренируйся – не тренируйся, а жить мне осталось – два понедельника! – Варюха села на круглый стульчик и крутанулась, раскинув ноги в стороны.

– Чего, говоришь? – Леша вылез из-за своих барабанов, – не понял?

– Ты чего, Варь? Что случилось? Какие еще два понедельника? Ты чего, собралась помирать что ли? – ребята перебивали друг друга, обступив свою солистку. Это была полная неожиданность для всех них.

– Вот это номер, ничего не понимаю, – Костя облокотился на Варюхины плечи. – Ты что, заболела? У тебя температура?

– Я не заболела, нет. Нет, точнее, заболела.

– Чем еще?

– Это очень редкая болезнь, – Варя сделала паузу.

– Не тяни. Поможем. Надо будет, свою кровь отдадим, лишь бы ты здоровая была.

– Нет, ребята! В этом вы мне помочь не сможете! Эту бо-

лезнь я должна победить сама! И никак иначе!

– Да что за болезнь такая? Не тяни, а то по шее получишь.

Варя засмеялась.

– Ребята, я вас очень всех люблю! Всех! Но экзамены за меня вы ведь сдавать не сможете. Верно?

– Какие экзамены и где?

– Я еду поступать в Гнесинское училище на вокальное отделение. – Она замерла и ждала реакции. Что сейчас будет?

Ребята как подкошенные бухнулись на стулья.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день? – У Костика больше не было слов, и он только развел руками.

– Картина Репина «Приплыли», – охнул Глеб, и замолчал.

Воцарилась гробовая тишина. Было слышно, как муха зажуужала на подоконнике и стала биться о стекло.

– Так хорошо началось, – протянул кто-то уныло.

– И так скверно кончилось, – закончил Вася знаменитую фразу. – А нам что делать? Что нам делать? А выступления? И кто мы будем без вокала? – внезапно он запел, – когда уехала Варвара...

Но Антон его оборвал:

– Варь, может, обождешь? Ты смотри, у нас ведь сейчас одна из лучших программ в клубах. Нас постоянно приглашают. Это ведь уже работа. Можно сказать, профессиональная. Скоро спонсоры появятся, и тогда раскрутимся по-настоящему.

Антон молчал до сего момента, а тут выдал целую тираду.

– А что скажет Жорж? – Варя решила нарушить молчание и повернулась к администратору, который тихо-смирно сидел в самом углу и покусывал ногти. Он был самым старшим из всего коллектива и самым опытным. Лет пять как уже крутился в местном шоу-бизнесе и знал все расклады. Жора сам был хорошим пройдохой, и обмануть его еще никому не удавалось, а тут такой конфуз. Подняв голову, он посмотрел на Варю, но так ничего и не сказал.

– Вот видишь, даже у Жоржа и то нет ответа на твой вопрос.

– Ребята, но я хочу учиться! Что в этом плохого? Хочу получить профессиональное образование, – она оглядела всех ребят словно ища в них поддержки.

– Денег много накопила?

– Зачем? – Варя явно не поняла подоплеку этого вопроса.

– А как же тогда ты собираешься поступать в Гнесинское?

По блату?

– По какому блату? Вы что? Откуда у меня блат. Я там близко никого не знаю.

– Ну, если блата нет, тогда точно не поступишь. Только деньги прокатаешь и все наши выступления сорвешь. Варя, милая, – Костик встал перед ней на колени и воздел руки к небу. – Христом—Богом прошу, не покидай нашей обители, – и он принялся целовать ей колени.

– Хоть Христом, хоть Богом, а поздно, батенька, поздно! – отбивалась Варя.

– Это еще почему? – спросили все хором.

– Не по кочану, и не по капусте, а во исполнение воли моей матушки, возжелавшей определить меня на время сдачи приемных (именно так она и произнесла это слово) экзаменов на постой к своему дальнему родственнику, дабы я была там по возможности под присмотром бдительного ока. Нарушить сие не могу, яко дала верное слово поступить так, как велит матушка, и посему «завтре», вечерней лошадью, пардон, поездом, отваливаю в славную столицу нашей огромной Родины, – с таким пафосом, правда, еле сдерживая смех, Варя проговорила такой монолог, наверное, впервые в своей жизни.

Предположив, что Варя просто прикалывается, ребята рассмеялись.

– Смех, смехом, а я на самом деле завтра уезжаю, – Варя сказала абсолютно серьезным тоном.

– А как же мы? – Костик растерянно смотрел ей в глаза.

– А номер, а выступления? – проговорил Вася и непроизвольно погладил свой саксофон, нежно, как девушку на первом свидании.

– Горим, как шведы под Полтавой! – тяжело протянул Алексей.

– Хорош стонать, что делать будем? – Жора осмотрел всех с ног до головы.

– М-да! Хорошее кидалово ты нам подкинула, – Глеб был явно расстроен. Оставив гитару у стены и не прощаясь с дру-

зьями, он побрел к выходу.

– Адью! – бросил он напоследок и, открыв дверь, вышел из комнаты.

– Мальчики, ну что вы. Разве так можно! Я же Вас люблю! Думаете, мне будет легко? А если не поступлю, мать меня не поймет! Поймите и вы меня! Мне тоже нелегко. Мне без вас будет очень скучно! – и она обняла Костика с Васей.

– А деньги то хоть есть у тебя? На что там жить будешь? Москва не Сибирь! Здесь дорого, а там еще дороже, – Жора сел на стул напротив ребят. – Будь, что будет, мужики, но Варюхе надо помочь.

– Есть идея! – тихо так произнес Вася.

– Колись, Сакс! – Костя устремил свой взгляд на Ваську.

– Я вчера звонил Злате в «Фараон», у них как раз в программе прокол, кто-то заболел, и есть шанс заткнуть дыру. Пару стольников обещала. Танцуем степ, поем тройку наших хитов, и дело в шляпе, а, Варь? Ты согласна?

– Йес! Пацаны, вы молодцы! Я знала, что вы меня поймете!

– Ладно, пошел звонить. – Васька вышел из комнаты.

– Варь, мне надо с тобой поговорить, – Костя шепнул ей на ухо. – Выйдем.

Вслед за Васей они вышли из комнаты.

Когда они вышли в коридор, Костя сразу развернул Варю к себе лицом и тут же спросил:

– Варь, я ведь тебя люблю! Ты уедешь и забудешь меня,

ведь так, да?

– Костя! Зачем так!

– А как? Неужели я тебе совсем безразличен?

– Нет! Совсем нет! Я тоже тебя люблю! Но что же мне теперь и учиться нельзя, да? Так и торчать в этом захолустье всю жизнь, как мать?

– Я поеду с тобой.

– Куда?

– В Москву!

– А жить где будешь?

– Пристроюсь.

– А на что?

– Работу найду. Или я не музыкант.

– Ты шутишь, Костя!

– Нисколько.

В коридоре появился Вася. Он влетел на радостях и закричал:

– Всё путем, ребята! Нас ждут!

Вечером дома у Вари все домашние сидели за столом и пили чай. На столе стояла не убранная бутылка вина.

– Мать, ты чего замолчала! Чай, не на похоронах сидим. Давай еще по стопочке примем и пожелаем нашей Варюхе удачно сдать экзамены. – Дед налил в рюмку вина и поднял её над столом.

Мать Вари, худенькая симпатичная женщина лет сорока

с небольшим сидела тихо и молчала. На призыв деда она подняла свою рюмку и тихо сказала:

– Вот ты и выросла, дочка. Поезжай в Москву учиться. Может, хотя бы у тебя получится то, что у меня в свое время не получилось. Я тоже очень хотела учиться, но, видно, было не судьба. А так хотелось петь на большой эстраде. Как я любила Клавдию Шульженко!

– А чо, хорошая была певица, – подхватил дед. – Мне особенно нравилась у нее, эта, песня, как её, а, вот: «Давай закурим, товарищ, по одной, давай закурим, товарищ мой!» – и он затянул строчку из песни.

– Я знаю, она хорошо пела. Вот только джаз, по-моему, она не пела. Тогда вообще редко кто пел джаз. И почему джаз считали «музыкой толстых». Как будто только богатые под него пели и танцевали. А музыканты? – Варя замолчала. Встав со стула, она взяла газету с программой, которая лежала на телевизоре, и со словами:

– Как всегда, наверное, опять ничего хорошего не показывают. – включила телевизор с пульта. На экране появились машины в стиле ретро. Полицейские перестреливались с гангстерами.

– Ба! Да это же «В джазе только девушки». Вот это номер! Классно! Обожаю этот фильм, – завопила Варюха у телевизора.

– Опять стреляют! – крикнул дед и встал из-за стола.

– Дед, ты что, это же классная комедия! Мэрилин Монро

играет и главное, поет! Блин, я давно не видела эту комедию! Вот везуха!

– Ладно тебе, отец, пусть смотрит, а мы пойдем на кухню, – мать стала собирать тарелки со стола.

Варюха уселась в кресло напротив телевизора и сразу про все забыла, она погрузилась в мир музыки и комедии.

– Варь, ты вещи-то все собрала. Ничего не забыла? – мама подошла к креслу и, наклонившись, обняла дочь.

– Мам, я тебя очень люблю! Мне там, в Москве, будет без тебя очень скучно.

– Ты уже взрослая! Мне даже не верится, что так быстро пролетело время. Смотри, не влюбись там сразу в какого-нибудь миллионера. Их там полно сейчас как собак нерезаных. А то поиграется с тобой, как с котёнком, и бросит! Ты ведь у меня такая доверчивая!

В это время на экране телевизора героиня Мэрилин Монро флиртовала с мнимым миллионером.

– Не бойся, мама, я с ними разберусь!

Глава четвертая, в которой начинаются горячие приключения

В ночном клубе, как всегда, было полно народу. А где еще собираться после тяжелого трудового дня разного рода бизнесменам и местным бандитам? Одни смешались с другими, и отличить в наше время одного от другого было подчас очень проблематично. А клуб выполнял не только функцию развлекательную, но и, как было принято почти по всей России, здесь происходили разного рода деловые встречи, а иногда и разборки. И то, и другое было не чуждо таким заведениям. Тут и там среди подвыпившей публики крутились проститутки, на маленькой сцене в лучах прожекторов вертелась стриптизерша.

Справа от сцены в отдельном кабинете отдыхала местная братва. Во главе стола сидел поджарый лет пятидесяти господин в темно-синем костюме с вьющимися волосами. На безымянном пальце правой руки сверкал бриллиантом массивный перстень из платины.

Вокруг него сидело человек десять «братков», кто при галстуках, а кто и, по старинке, с золотой цепью на толстой шее.

– Господа! У нас сегодня на повестке дня две новости. Как говорят в таких случаях, одна хорошая и одна не очень.

Шеф обвел всех строгим взглядом. Все как по команде прекратили есть и устремили свои взгляды на него.

– С какой начать?

– Бугор, начни с любой, а там по ситуёвине и разгребём. Об чем вопрос, папа? – это почти из угла стола поднял голос молодой браток с короткой стрижкой.

– Заткнись, Паровоз. Тебя забыли спросить, – рявкнул на него сосед-бугай. – Извини, папа! Мы все во внимании к тебе!

– Господа! Я должен сообщить Вам пренеприятнейшее известие! – папа поднял указательный палец, как перст божий. – К нам действительно едет ревизор. Пора подбить бабки. Общак – дело святое! Состав с никелем ушел в конце прошлой недели. Как продвигаются дела на таможне?

– Вопрос однозначный! Кителя свое дело знают туго, можешь не волноваться, папа. Мужчина лет тридцати, с красивым лицом, сразу видно – образованный, спокойно и неторопливо отвечал...

За кулисами сцены уже одетые к выходу стояли Костя, Вася и Варя. Варя была в ослепительно белом платье, узком и длинном, с разрезами на бедрах, и белых туфлях на высоком каблуке. Вася и Костя с саксофоном и бас-гитарой были в темных костюмах и белых рубашках, а на ногах лаковые туфли.

– Вжарим напоследок! – Вася повертел в руках свой сак-

софон, – а, ребятаки?

– Щас мы им покажем класс! Пусть пипл оттянется по полной программе, любители попсы, толстые мясоеды! – Костя заводил себя перед выступлением, чтобы войти в раж.

– Всё, мальчишки! Приготовились! – Варя ждала объявления ведущего вечера.

На сцене, с радиомикрофоном топтался ведущий, развлекающая публику. И вот, наконец он объявил:

– Господа! Сегодня в нашем клубе премьера! Впервые и только у нас группа «Джаз-Ремейк»! Солистка Варя Одинцова! Встречайте, господа!

– Какой ещё «Джаз-Ремейк»? – только и успел спросить Костик, как Варя уже выскочила на сцену.

– Так надо, Костик! – только и успел ответить Вася.

Ребята начали играть веселую песенку. Как только Варя запела на английском языке, раздались аплодисменты. Вася наяривал на саксофоне, а Костик на бас гитаре. Эх, еще бы кто-нибудь на рояле подыграл бы, было бы совсем хорошо. И, словно услышав голос ребят, на сцену вбежал Семен, уселся за рояль и что тут началось! Это был полный улет. А когда в середине песни все трое стали стучать степ, а Семен подыгрывал им на рояле, зал взорвался аплодисментами.

– Что там за шум, Шуруп?

– Щас узнаю, папа! – толстяк медленно встал из-за стола и вышел из кабинета.

– Итак, с ревизором, я думаю, мы вопрос решили. Попрыгал и будет! Информация приходит и уходит, но утекать она должна только в одну сторону. Вопросы есть? Правильно! Молчание – золото! Кто молчит – тот живет! Ха-ха!

Вернулся Шуруп, подошел к папе, наклонился и что-то сказал ему шепотом.

– Не шепчи, говори громче!

– Я говорю: какая-то герла трусная поет и пляшет, чечетку отбивает. Пипл отрубается в натуре. Чё, сюда притырить бабу?

– Пригласи девушку к столу. Деликатно, Шуруп! Ты, понял!

– Без базара, папа, все понял! – показал Шуруп руками, дескать, как не понять.

Шуруп отчалил снова к сцене.

Ребята заканчивали исполнять песню, когда на сцене появился Шуруп, не обращая внимания на публику и музыкантов, подошел к Варе и на ухо, так, чтобы она слышала, сказал:

– Папа тебя приглашает к столу. Так что, заканчивай – и к нам в кабинет. Поняла?

Варя как пела, так и пела, даже внимания не обратила на какого-то хама.

– Ты, это, не тyani, папа не любит ждать! А то тебя натянет, как шарик на газовый баллон! Слышь, ты, герла?

Варя резко развернулась с микрофоном, и удар пришелся строго в лицо Шурупа. От неожиданности он остутился,

грохнулся на пол и замотал головой. Только тут Варя заметила и почувствовала, что кого-то ударила рукой с микрофоном. Шуруп закричал во все горло:

– Ах ты, сука! Да я тебя... – он попытался встать с пола, но получив гитарой от Костика по голове, растянулся на сцене, и тут в зал с криками и воплями «Всем оставаться на своих местах!» ворвались омоновцы в масках. Их было очень много. Несколько человек сразу побежали в сторону отдельного кабинета. Один из них ударил Шурупа прикладом автомата в лицо, когда тот попытался встать на пути у омоновца. Схватившись за голову, он рухнул на пол сцены. В зале поднялась паника. В основном кричали женщины.

– Пора уносить ноги. – Костик схватил гитару и юркнул за кулисы. Варя и Вася последовали за ним. Семен уже лежал под роялем и, увидев, что ребята сматывают удочки, быстро по-пластунски стал выползать со сцены. Мимо пробежали омоновцы, но он видел только их ноги.

Злата, администратор ночного клуба «Фараон», сидела в своем маленьком кабинете и красила губы, когда туда вслед за Васей ввалились все остальные ребята, и Вася с ходу, без предисловия, выпалил:

– Злата, спасай! Полный атас! Облава! Дай ключи от машины, до вокзала добраться. У Вари билет на поезд ночной, да еще чемодан с вещами. Выручай, я в долгу не останусь. И ещё, если можешь, выручи деньгами, ладно?

Злата быстро оценила ситуацию и, всё поняв, достала

из сумочки ключи от своей «Шкоды» и протянула Васе.

– Держи! Только ради нашей дружбы! Машина в гараже клуба, за углом! – и тут же добавила: – Это вам за выступление, – она стала доставать деньги, – и за моральный ущерб, – и протянула три сто долларовые бумажки. – Спешите! – но Вася продолжал ещё стоять. Злата даже прикрикнула на него:

– Вася, не стой как памятник на постаменте!

Вася опомнился, наклонился и быстро поцеловал в щечку Злату.

– Спасибо тебе, родная! Не подвела! – и выскочил в коридор. Варя, Костик и Семен бросились за ним. Заскочив в свою гримерную, они стали переодеваться.

Омоновцы скрутили сидящих за столом бандитов. В кабинет вошел оперативник в гражданской одежде и подошел сразу к главному:

– Итак, собрание окончено. Я думаю, Владлен Николаевич, что на этот раз вы залогом не отделаетесь. Пора ехать, пора!

– Юрий Петрович, куда, а главное, за что?

– В один прекрасный особняк.

– А что мне там делать?

– Немного отдохнёшь. А я позабочусь, чтобы тебе приготовили новые домашние тапочки. В клеточку!

– Оригинально. Нечего сказать. А главное, очень остро-

умно, – и он снисходительно посмотрел на своих коллег.

– Какие у Вас на меня доказательства? Вы меня обижаете. Я честный человек! А главное, законопослушный бизнесмен.

– Вот только налоги не всегда изволите платить. Слишком много стирального порошка производите.

– Это разве преступление?

– С нарушением ГОСТа. У меня свои источники. Ваш Бикса – подставной директор, и вы это знаете, потому что именно вы, Владлен Николаевич Иркутский, – крестный отец всего района

– Бикса? А кто это, Юрий Петрович? Первый раз слышу это имя.

– А у нас разные источники информации.

– Гвоздодёр, видимо, не те гвозди вытащил.

– Гвоздодёр? Это имя такое? – он удивился и дёрнул плечами. – Однако. Первый раз слышу.

– Ложный след взяли, Юрий Петрович, ложный. Большую ошибку делаете, ой большую, – он оглянулся на Шурупа, тот всё понял.

– Лучше ищите себе нового адвоката, эти вам уже не помогут.

– И это всё, что вы мне шьёте? Налоги? Порошок. Побойтесь Бога, Юрий Петрович! Кто в нашей стране платит все налоги? Я плачу гораздо больше других! Я хочу спать спокойно!

– Вот у нас и поспите спокойно. Заплатите и спите себе на здоровье!

– Да уж после ваших налогов спать будет не на чем, не то что спокойно. А про здоровье я вообще молчу. Минералки не хватит кислотно-щелочной баланс восстанавливать. Так-то вот!

– Не переживайте, Владлен Николаевич. – Воды из-под крана я вам лично целое ведро обещаю!

– Вот спасибо, угодили!

– Достаточно. Уводите их! – Юрий Петрович развернулся и пошёл прочь из зала.

Из гримерной показалась голова какой-то черноволосой девушки в водолазке, с большой грудью и расклешенной юбке. Под юбкой были черные колготки, на ногах такие же черные туфли на каблукке. Голова посмотрела по сторонам и, не увидев омоновцев, тихо шепнула явно мужским голосом:

– Кажется, здесь тихо. Пора линять!

Появилась еще одна девушка в белом парике и с ярко накрашенными губами. Посмотрев в разные стороны и никого не увидев, они медленно вышли из комнаты. Следом вышли Варя и Семен. У одной из девушек в руках был чехол с бас-гитарой, а у второй с саксофоном. Варя шла с маленькой сумочкой, а Семен нес её чемодан. Быстрыми шагами они направились к выходу из клуба. Завернув за угол, Костя, а это был именно он в женском наряде, увидел омоновцев,

которые стояли у самых дверей. Путь был перекрыт. Тихо все вместе отступили назад.

– Надо через туалетное окно вылезать, другого пути нет, – шепнул Костя ребятам.

– Попробуем, – Вася его поддержал. Варя и Семен соглас-но кивнули головами.

Все четверо быстро засеменяли по коридору в сторону туалетной комнаты.

Там никого не было, и окно вверху было приоткрыто. Осталось только выбраться наружу.

– Табуретка нужна, – Варя покрутила головой, пытаюсь найти искомое.

– Так обойдемся. Быстреей давай. – Вася встал к стене спиной и сложил руки, сделав из них подобие ступеньки.

В ночном небе ярко светила луна.

У клуба стояли и прохаживались омоновцы. Горели фары машин.

Варя, Вася и Костик с чемоданом и кофрами с инструментами пробирались в темноте за кустами, пригибаясь, чтобы их никто не увидел.

Омоновцы выводили всех задержанных и молча сажали их в автобус, слегка подталкивая прикладами автоматов, чтобы не задерживали остальных.

В крытом гараже под яркой лампочкой за столом сидели мужики и травили анекдоты. Все смеялись. Слово взял толстый и лысый лет тридцати мужик:

– Почему некоторые женщины не носят колец, серег, кулонов и ожерелья?

– А хрен их знает! – влез тонкомордый с фиксой в зубах.

– Дурак! – оборвал его рассказывающий. – Потому что вышли замуж по любви.

Все сидящие заржали.

– Фигня, – молодой парень поковырял в зубах, и начал: – Объява в газете: «Продаем лицензии на отстрел куриных окорочков в период весенней миграции. Союзконтракт.»

Опять все заржали.

В это время в открытых воротах появились ребята с инструментами. Сидящие за столом даже не сразу оглянулись на вошедших. А когда оглянулись, то увидели перед собой трех симпатичных девушек с чемоданом и инструментами.

– Вам кого, птички? – спросил самый старший.

– Нам, это... – Вася немного запнулся, вспомнив, что одет, как девушка, улыбнулся и, сделав шаг вперед, уже бодрым и по возможности женским голосом сказал:

– Нам Злата дала ключи от машины, чтобы доехать до вокзала, а то мы на поезд опаздываем. Вы не подскажете, где её машина стоит?

– Рыжий парень вылез из-за стола, подошел к незнаком-

кам, осмотрел их и, ухмыльнувшись, показал рукой в сторону:

– Вон её тачка стоит, за белым «мерсом». Сечешь?

– Да, да, спасибо! – только и сказал в ответ Вася, и все трое быстро направились к машине. У Костика даже подгибались ноги на высоких каблуках. Вася первым подошел к «Шкоде», нажал кнопку брелка. Щелкнули заглушки, и двери можно было открывать. Распахнув дверь, он наконец поставил на землю чемодан и залез в салон, рукой открыл остальные двери. Варя и Костик стали укладывать инструменты в салон, а Вася, сев за руль, уже повернул ключ в замке зажигания и завел машину. Мотор тихо заурчал, двигатель прогрелся.

– Ну вот, кажется, все спокойно! Пора на вокзал. До отхода поезда остался один час! – Вася оглянулся назад, чтобы посмотреть и решить, как лучше развернуться в гараже и выехать на улицу.

В этот момент в гараж резко влетела «Бээмвэшка», затормозила, и из нее выскочило пять человек с автоматами в руках. Они окружили сидевших за столом.

– Встать! К стенке пошли! Руки вверх! – рявкнул здоровый бугай с перебитым носом. – А тебе, Гвоздодёр, особое приглашение нужно? Давай, пошевеливайся!

Оглядываясь по сторонам, ребята нехотя встали из-за стола и стали пятиться к стене.

Из машины, не торопясь, наконец вылез молодой симпа-

тичный мужчина лет тридцати пяти в кожаной куртке, с тонким белым шёлковым шарфиком на шее и подошёл к стоящим. Посмотрел на них и обратился к одному из них, явно старшему:

– Ну, привет, Гвоздодёр! Я уже по тебе соскучился, давненько не виделись!

– Это ты Бикса! А что ты тут делаешь?

– Заехал заплатить тебе по счёту.

– Но ты мне ничего не должен.

– Ошибаешься, дорогой, ошибаешься. Такую любезность оказал нам с папой, порекомендовал наш ресторан. Я в восторге от такой рекомендации.

– Я никому и ничего не рекомендовал, Бикса.

– Ну как же, дорогой? Столько побитой посуды, испорченная мебель. Нужен дорогой ремонт. И кто за это заплатит? Ну, не эти же карточные короли, а? – и он взял лежащие на столе карты. – Смотрю, любишь королей. Ну- ну!

– Ты чего, Бикса? Какой ещё ресторан, какая мебель, какой ремонт? Решил договор нарушить? Папа тебе этого не простит. – Старший, а это был Гвоздодёр, стал пятиться к стене.

– Засунь себе в задницу этот договор. Прощай, Гвоздодёр! На сей раз ты эти гвозди уже не вытащишь, – Бикса ухмыльнулся дьявольской улыбкой. Помощник подал ему короткоствольный автомат.

– Не надо, не делай этого, Бикса! Я не хочу. Ну почему,

Бикса! Почему?

– Много говоришь! А это вредно! Для тебя! – и нажал на курок автомата. Автоматная очередь разбила тишину и наполнила диким гулом гараж. Все, кто стоял у стенки, медленно попадали на бетонный пол. Кто-то еще дышал, кто-то дергался в предсмертных конвульсиях, у кого-то изо рта вытекала струйка алой крови.

– Бикса? – спросил бандит в кожанке и спортивных штанах.

– Что?

– Кажется, мотор у тачки работает. Слышишь?

– Где? – Бикса повернулся, ища взглядом машину.

Бандит в спортивных штанах уже рванулся на звук мотора. Остальные тоже повернулись на звук.

Раненый Гвоздодёр в это время достал из брюк пистолет и напрягшись из последних сил выстрелил в Биксу. Того развернуло на месте. Пуля попала ему в руку, автомат выпал, и он закричал:

– Сука! Падаль! Убью тебя, тварь!

Парень в спортивных штанах не успел добежать до «Шкоды», остановился как вкопанный, не зная, что ему делать в данный момент. Он посмотрел в сторону выстрела и увидел, как оставшиеся трое ребят разрядили свои автоматы в лежащего. Тело раненого только задергалось под выстрелами и затихло.

Васька осторожно выглянул из-за сиденья и, увидев, что

на них никто в данном случае не обращает внимания, резко дал по газам. Машина рванула с места, задом выскочила из гаража, так же резко развернулась, и тут вслед им раздалась автоматная очередь. Послышался звук разбитого стекла и хруст фанеры.

– Они в гитару попали, – завопил Костя, – ходу, Вася!

И «Шкода» помчалась по ночным улицам города.

– В машину, быстро! – крикнул Бикса. – Убить сволочей. Живьем не брать!

Держась за руку, он побежал к машине. Все последовали его примеру. «БМВ» взревел мотором, быстро выехал из гаража и устремился в погоню за «Шкодой». Мелькали фонари и пустынные ночные улицы.

– Давай, Скелет, быстрее! Их надо догнать, понял? – Бикса говорил тихо, словно шипел, и оттого становилось еще страшнее от его слов. Водила крутил баранку и жал на педаль газа.

– Мальчики, они нас догонят и убьют! – лепетала Варя, и из глаз у неё уже текли слезки.

– Не дрейфь, Варюха! Где наша не пропадала! Выскочим! – Васька следил за дорогой и совсем не обращал внимания на светофоры. Было просто не до них. Сзади на хвосте появилась бандитская «Бээмвэшка», которая стала неумолимо приближаться к «Шкоде». Костик постоянно оглядывался назад.

– Вася, милый, давай!

– А я что делаю? И так лечу, как угорелый!

– Поймают – убьют ведь. – Костя вертелся на заднем сиденье автомобиля.

И тут из «Бээмвэшки» начали стрелять из автомата. Костя и Варя пригнулись, а Васька весь слился с рулем и только успевал поворачивать им то вправо, то влево. Отстреливаться было нечем.

– По колесам бей, по колесам! – Бикса командовал своими подручными, держась за раненую руку.

«Рыжий» высунулся в открытое окно и дал короткую очередь из автомата.

«Шкода» проскочила перекресток на красный свет. Следом за ней из-за поворота, ревя сиреной, выскочила пожарная машина. У обочины стояла милицейская машина. Следом за «Шкодой» и пожарной проскочила «БМВ», и сидящий за рулем милиционер увидел бандита, который стрелял из автомата.

– Нет, ты только погляди, а? Совсем оборзели. Беспредел включили! А ну стоять! – и он завел движок.

Милицейские «Жигули» резко рванули с места в погоню. Рядом сидящий сержант уже сообщал дежурному по городу:

– «Орел», «Орел», я «Пегас». На Центральной перестрелка. «БМВ» преследует «Шкоду». Автоматная стрельба. Начинаю преследовать. Жду подкрепления.

На милицейских «Жигулях» закрутилась мигалка и завывала сирена.

– Блин, менты на хвосте! – крикнул Скелет. – Щас палить начнут.

– Чего ждёте? Стреляйте! – Бикса крикнул своим помощникам, которые сидели от него по бокам. Как по команде, они опустили стекла и, развернувшись, стали отстреливаться от милицейской машины. Тут послышалась еще одна сирена, и на улицу из переулка выскочила «Волга» с мигалками. Из неё тоже стали стрелять по «Бээмвэшке», но та уворачивалась и вертелась как уж на сковородке, виляя по всей ширине улицы, пытаясь обогнать пожарную машину, которая мчалась по самой середине дороги. Чуть впереди неслась «Шкода», тоже виляя из стороны в сторону так, чтобы пули естественно, не попали в неё.

Бикса что-то кричал своим помощникам, те стреляли из автоматов. Ослепляя всех фарами и разрывая тишину города сиренами, неслись милицейские машины, из которых поочередно стреляли.

Варя упала на сиденье и тихо скулила:

– Только бы не попали! Только бы не попали! Вася! Милый! Спасай нас, пока мы еще живы, а то потом поздно будет!

Из милицейской «Волги» высунулся сержант и, держа автомат двумя руками, сделал несколько длинных очередей. И тут же из «БМВ» высунулись два бандита и одновременно стали строчить из автоматов по «Волге». Пули сразу достигли цели, «Волга» вспыхнула ярким пламенем, раздался

оглушительный взрыв, и колеса полетели в разные стороны. Из «Жигулей» показался милиционер с автоматом. Он прицелился и нажал на курок несколько раз, выпуская короткие очереди. Машина с бандитами продолжала мчаться на огромной скорости. Перезарядив автоматный рожок, бандит снова высунулся из окна и мелкими очередями стал стрелять по «Жигулям». Только резина свистела на поворотах. Милиционер еще раз высунулся из машины и выпустил длинную очередь по бандитам. Пули попали в бензобак «БМВ», раздался страшный взрыв. Пламя озарило улицу. Резко затормозила пожарная машина. Из неё выскочили пожарные и, быстро раскрутив шланги, стали заливать водой горящую машину.

– Вау! – хором крикнули ребята.

– Всё! Кранты им настали! – вопил Костик от радости.

– А по нам стрелять не будут! – сквозь шум мотора кричала Варя.

– Кто их знает? Они ведь не знают, кто едет в нашей машине. Может статься, что подумают про нас, что мы тоже бандиты, и начнут стрелять, – Вася старался выглядеть спокойным, но чувствовалось, что дается ему это с трудом.

– Пока они там будут разбираться с «Бээмвешкой», мы вполне сможем уйти от преследования. Нам это надо? Нет! Сколько минут до отправления поезда осталось?

Варя взглянула на часы: – Всего двадцать минут осталось. Успеем?

– Думаю, что да, – Вася вытер лоб ладонью, и пропел – «До отправления поезда осталось пять минут...»
«Шкода» приближалась к вокзалу.

Глава пятая: А поезд шёл, чик-чик-чик-чик... в столицу

Все трое стояли у вагона поезда и прощались.

– Ребята, спасибо вам большое. – Варя говорила тихо, чтобы никто не слышал и не догадался, кто скрывается под женскими нарядами.

– Трудно будет без тебя, – так же тихо прошептал Костик, и поцеловал Варю в щечку.

– Мне тоже, – шептал Вася и чмокал Варю в щечку, как Костик, только с другого бока.

– Мне тоже без вас будет ужасно скучно! Вы даже себе этого не представляете, как я буду без вас скучать. И номер без вас – не номер.

– Так в чем дело, Варя? – это Костик «прокричал» громким шёпотом.

– Все, мальчики, я забираюсь в купе. Скоро поезд отходит. Все! Целую! А то длинные провода – длинные слезы. А я этого не хочу! – она хлопнула ребят по плечам и прыгнула в вагон.

– Пока! – и скрылась в тамбуре.

«Девочки» развернулись, и зашагали по перрону. Вдруг Костик остановился, обернулся, посмотрел на часы.

- Ты чего, Костя? – только и спросил Вася друга.
- Еще есть десять минут до отправления поезда.
- Ты куда?

В купе было тихо. Шторки на окнах были затянуты, и свет от фонаря на улице падал неярким пятном на стенку купе. Варя уже расположилась на своем месте, когда дверь открылась, и в купе вошел высокий, стройный мужчина в светлом костюме, при галстуке и с дипломатом в руке.

- Добрый вечер! – поздоровался человек с Варей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.